

яны, горш за тыя палахлівыя авечкі, – страху пры страсе. Абляпілі рэчкі, як мухі мёд. А выйдзі на загуменне... куды ні зірні, лесам край неба аблемаваны» [1, с. 408]. Менавіта актуалізацыя нацыянальнага ў рамане Калюгі дае адчуць «пустадомкавасць» больш зразумела, як атруту, што была прынесена часам.

ЛІТАРАТУРА

1. *Калюга, Л.* Творы: раманы, апавесці, апавяданні, лісты / Л. Калюга; уклад., прадм. Я. Р. Лецкі. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 607 с.

Н. А. Каньшина (Мінск, Беларусь)

РЕКУРРЕНТНЫЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА АВТОРА

Специфика языка художественного текста заключается в индивидуальности стиля автора, для которого характерны своеобразные принципы отбора и включения в текст языковых единиц, определяемые личностью создателя, его художественно-образным восприятием, особенностью мировоззрения.

В художественном тексте происходит повторение – рекуррентность наиболее важных, в том числе концептуально значимых, смысловых моментов содержания. Благодаря этому художественная концепция автора, с одной стороны, получает возможность адекватного выражения в тексте; с другой – она закрепляется, подкрепляется и развивается в структуре воспринимающей мыслительной деятельности читателя. По мнению В. Е. Хализева, «Без повторов и их подобий («полуповторы», вариации, дополняющие и уточняющие напоминания об уже сказанном) словесное искусство непредставимо» [1, с. 263]. Многие лингвисты (М. П. Ионицэ, Б. Палек, Е. Агрикола) сходятся во мнении, что текст представляет собой совокупность семантических полей, объединяющих лексические единицы различных частей речи, имеющих общий рекуррентный лексико-семантический компонент (далее – РЛСК). РЛСК – это двукратное или многократное семное повторение в значении лексических единиц, вовлеченных в процесс формирования темы и смысловой организации текста.

На наш взгляд, анализ текста через выявление РЛСК заслуживает внимания по ряду причин. Во-первых, РЛСК, реализуясь в одно- или разночастеречных лексических единицах, позволяет варьировать и наращивать смысл, что способствует обогащению содержания художественного текста. Во-вторых, определяя конкретную семантическую реализацию совокупности лексических единиц, рекуррентный компонент обуславливает формирование актуального смысла, акцентируя при этом внимание на наиболее важных для автора деталях содержания, например:

Il y avait un peu de neige sur les sommets de montagnes et, au pied des montagnes, des uniformes rapiécés, un peu de bric et de broc: un bout de l'armée française, ressuscitée entre les morts. Nous venions de gagner une guerre que nous avions perdue et j'avais dix-sept ans [2, p. 14].

Так, глагол *gagner* 'победить, одержать победу' противопоставляется глаголу *perdre* 'проиграть, потерпеть поражение' в рамках одной рекуррентной цепочки: *Nous venions de gagner une guerre que nous avions perdue et j'avais dix-sept ans* 'Мы только что одержали победу в проигранной войне, и мне было 17 лет'. Однако актуальный смысл формируется благодаря выявлению семы *manque, défaut* 'отсутствие, недостаток, малое количество чего-либо', превалирующей в ряде лексических единиц: *il y avait un peu de neige sur les sommets de montagnes* 'было немного снега на вершинах гор', *au pied des montagnes des uniformes rapiécés* 'у подножья гор штопаные, латаные униформы', *un peu de bric et de broc* 'всего понемножку', *un bout de l'armée française ressuscitée entre les morts* 'небольшая часть французской армии, выжившая среди погибших'. Выявленная сема акцентирует внимание на потерях, которые повлекла за собой война: осталась только часть французской армии, выжившая среди погибших; не хватало обмундирования, и даже снега на горных вершинах было мало. Финальным моментом служит конструкция *j'avais dix-sept ans* 'мне было 17 лет', в которой также имплицитно выявляется сема *manque, défaut*, указывающая, что участник военных событий не достиг совершеннолетия. Благодаря данной семе формируется двойной смысл: победа в войне ассоциируется не с радостью, а с горестью утрат и потерь.

В следующих рекуррентных цепочках К. Симон через восприятие персонажа не только изображает войну, но и выражает свое отношение к ней:

... le dégoût, la répulsion, la simple répugnance: cette pouillerie de la guerre: l'herbe souillé des fossés, ces relents de caoutchouc brûlé, ces morts, ces détruits ... Et cela : que d'un instant à l'autre il allait lui arriver cette chose sale, brutale : d'être jeté à bas de son cheval par une balle ... Et alors la chute, le sang, la poussière où il roulerait..., son impassible visage transformé tout à coup en cette chose impudique et indécente : une ordure simplement, comme il pouvait en voir dans les fossés à droite et à gauche de la route, et sur laquelle les mouches se précipiteraient..., le sang bientôt non plus rouge, mais simplement d'un brun noirâtre, croûteux, son élégant uniforme déchiré, souillé de cette déjection, comme un enfant se barbouille de ses excréments ; sans compter le laisser-aller, le grotesque des cadavres par la mort violente [3, p. 191–196].

Центральная тема творчества Клода Симона – война, постоянная борьба человека с тем, что уничтожает сам принцип его существования. Через множество рекуррентных цепочек, содержащихся во внутренних монологах персонажей, К. Симон изображает войну. Она (*la guerre* 'война') вызывает отвращение (*le dégoût* 'отвращение', *la répulsion* 'гадливость', *la répugnance* 'омерзение' – общая сема *le sentiment de dégoût* 'чувство омерзения'), приводит к смерти (*ces morts* 'эти мертвые', *ces détruits* 'эти поверженные', *des cadavres* 'трупы' – сема *la mort* 'смерть'), имеет тошнотворный запах

нечистот (*cette déjection* ‘испражнения’, *ses excréments* ‘экскременты’ – сема *le déchet* ‘отходы’). У нее есть свой особый цвет – грязи (*chose sale* ‘грязная вещь’, *la poussière* ‘пыль’ – общая сема *l’absence de pureté* ‘отсутствие чистоты’). Особенностью примера является одновременное взаимопересечение и противопоставление рекуррентных цепочек. Ключевым моментом является конструкция в ближайшем будущем времени – *futur immédiat* (*il allait lui arriver* ‘может с ним произойти’), указывающая на то, что все описанное еще не произошло, а персонаж только предполагает и предвидит события, которые могут случиться в ближайшее время – возможную собственную смерть от выстрела – *d’être jeté à bas de son cheval par une balle*. Благодаря этому прослеживается другая цепочка, имеющая общую сему *transformation, changement* ‘трансформация, изменение’, где противопоставляется настоящее время (то, что существует сейчас) тому, что может измениться в ближайшем будущем (глаголы употреблены в формах ближайшего будущего времени и будущего в прошлом (*il allait arriver, roulerait, précipiteraient*)). И, как следствие, противопоставляются «существующие» признаки субъекта «измененным» (*son impassible visage transformé tout à coup en cette chose impudique et indécent: une ordure simplement* ‘безучастное лицо внезапно превратится в неприличное, неподобающее: просто в отходы’, *son élégant uniforme déchiré* ‘элегантная военная форма в изорванную’, *le sang bientôt non plus rouge, mais simplement d’un brun noirâtre* ‘красная кровь вскоре приобретет черно-коричневый оттенок’, *ces morts* ‘эти мертвые’ превратятся в *le grotesque des cadavres* ‘изуродованные трупы’ и т.д.). В данном примере, где каждая деталь значима, автор пытается вызвать чувство отвращения и ужаса перед войной. Через восприятие персонажа, присутствовавшего на поле боя, К. Симон не только выражает ту силу ощущений, которую испытал персонаж, столкнувшись с ужасом войны и ее угрозой, но и адресует свой посыл людям о необходимости предотвращать войны.

Таким образом, на явлении рекуррентности, реализующемся за счет РЛСК, строится полноценная художественная коммуникация. С точки зрения автора, развитие текста посредством РЛСК направлено на его творческий потенциал и активность мыслительного процесса по подбору адекватных лексических единиц для вербализации личностного смысла. С позиции читателя РЛСК является актуализатором смысла автора, передачи индивидуальной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – М. : Высш. шк., 1999. – 397 с.
2. D’Ormesson, J. Une fête en larmes / J. d’Ormesson. – Paris : R. Laffont, 2005. – 307 p.
3. Simon, C. Histoire / C. Simon. – Paris : Éd. de Minuit, 1967. – 402 p.